

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Семенов И.Г.

ETHNIC IDENTITY OF THE BEARERS OF THE LATE SARMATIAN CULTURE

По мнению автора, позднесарматская культура может быть связана только с аланами. Культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв. следует идентифицировать с кавказскими гуннами. Часть из них в III в. мигрирует в Европу. Там ими со временем было создано очень сильное государство.

Ключевые слова: позднесарматская культура, культура северокавказских катакомбных погребений II–V вв., аланы, гунны.

By the author's opinion, Late Sarmatian culture can be associated with the Alans only. The culture of the North Caucasian catacomb burials of the II–V centuries should be identified with the Caucasian Huns. Some of them in the III century migrate to Europe. There they eventually created a very strong state.

Keywords: archaeology, Late Sarmatian culture, culture of the North Caucasian catacomb burials of the II–V centuries, Alans, Huns.

Как известно, диагностическими признаками позднесарматской археологической культуры являются подкурганые погребения, преимущественно индивидуальные – в меридианально ориентированных узких прямоугольных ямах или узких подбоях, а также северная ориентировка погребенных и искусственная деформация черепов (см., напр.: Малашев, 2009, с. 47). Нижняя хронологическая граница позднесарматской культуры – середина II в. н.э. (Мошкова, 1989; Безуглов, 2001). Верхняя хронологическая граница различается по отдельным регионам: для Северного Причерноморья и Нижнего Подонья это рубеж III–IV вв., для Поволжья и Южного Приуралья – IV в. (см., напр.: Малашев, 2009, с. 50). Последние по времени обобщающие работы по позднесарматской культуре принадлежат А.С. Скрипкину и М.Г. Мошковой (Скрипкин, 1984; 1996; Мошкова, 1989; Статистическая обработка, 2009).

Подавляющее большинство современных исследователей отождествляют эту культуру с аланами, правда, с различными оговорками. обстоятельный обзор существующих точек зрения по данному вопросу представлен в одной из работ М.П. Абрамовой (Абрамова, 2007, с. 52–76). Только В.Ю. Малашев считает эту точку зрения недоказанной (Габуев, Малашев, 2009, с. 152).

Как мне представляется, доказательство указанной идентичности кроется в информа-

ции Аммиана Марцеллина (IV в.) об аланах: «Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилонны» (Аммиан Марцеллин, 2000, с. 492–493).

Несколько ниже Аммиан Марцеллин пишет: «С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море.

Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев,

дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выежено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (Аммиан Марцеллин, 2000, с. 493–494).

Представленный в данном описании факт широкого распространения имени алан в предгуннский период вполне соотносится с фактом доминирования позднесарматской культуры в степном поясе Восточной Европы. Это заключение и является доказательством идентичности позднесарматской культуры аланам. Еще один аргумент в пользу данного тезиса состоит в том, что информация Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни алан соответствует распространенности позднесарматской культуры именно в степной зоне.

В середине II в. н.э. из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье мигрирует крупная группа степняков (Безуглов, Копылов, 1989, с. 171–183). Часть ее осела в Танаисе. Как обращает внимание Д.Б. Шелов, с этого времени танаисские надписи фиксируют значительно больше имен горожан с иранскими именами, чем ранее. При этом набор этих имен по своему характеру существенно отличается от более ранних танаисских имен иранского происхождения (Шелов, 1974). Это свидетельствует о том, что новое население этого города было ираноязычным. А поскольку некоторое время спустя Аммианом Марцеллином в этом регионе фиксируются аланы, то можно доста-

точно уверенно полагать, что эти мигранты из Нижнего Поволжья являлись аланами. По уточнению С.И. Безуглова, прилив указанного нового населения из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье должен датироваться не ранее 135 года (Безуглов, 2001, с. 108–119).

По мнению С.И. Безуглова, у Аммиана Марцеллина название «аланы» – «явно не этноним в современном понимании термина; многоплеменной состав аммиановых алан подчеркнут самим автором в знаменитых пассажах XXXI, 2, 13 и 17. Особое значение может иметь лишь разделение Марцеллином «европейских алан» и «алан – прежних массагетов» (XXII, 8, 42 и XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12)» (Безуглов, 1990, с. 81).

«Аланы-танаиты, таким образом, представляли собой, – пишет далее С.И. Безуглов, – лишь небольшую локальную группу всех алан, охарактеризованных Аммианом. Из сопоставления фрагментов XXXI, 2, 12 и 3, 1 следует тождество алан-танаитов и алан – прежних массагетов (т.е. восточных, а не «европейских» алан)» (Безуглов, 1990, с. 81).

Основываясь на данной интерпретации сообщений Аммиана Марцеллина об аланах, С.И. Безуглов приходит к заключению и о принципиальных культурных отличиях алан-танаитов от других аланских групп, в частности, от «европейских алан» (см. ниже). Эта точка зрения разделяется и рядом других исследователей (Гудкова, Редина, 1999, с. 190; Симоненко, 2001, с. 77, 89–90; Габуев, Малашев, 2009, с. 152).

У Аммиана Марцеллина северо-причерноморские аланы действительно именуется «европейскими аланами» (22. 8. 42), но такое их именование связано только с тем, что, в соответствии с принятым у этого автора географическим разделением Европы и Азии по реке Танаис (31. 2. 13; в этом он следует Птолемею), все аланы, живущие к западу от этой реки, должны обозначаться именно «европейскими». Что же касается точки зрения С.И. Безуглова о том, что именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) относится только к аланам-танаитам, то этот взгляд ни на чем не основан – у Аммиана Марцеллина нет ни намека на то, что именование «бывшими массагетами» может относиться только к одной из локальных групп алан. Оно у него относится ко всей совокупности аланских племен, включая и «европейских алан». Нет у него ни намека и на то, что аланы-танаиты в плане культуры чем-то отличались от осталь-

ных аланских групп. Из этого следует, что аланы в этот период являлись единой в отношении культуры этнической группой, разделенной, впрочем, по информации Аммиана Марцеллина (см. выше), на отдельные племена (Кулаковский, 1899, с. 114; Гаглойти, 1966, с. 106–112).

Именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» присутствует также и в его изложении обстоятельств похода Помпея на Кавказ в 66–65 гг. до н.э.: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море» (23. 5. 16; цитируемый перевод: Аммиан Марцеллин, 2000, с. 288).

Такое же именование присутствует и в труде Диона Кассия (II–III вв.), правда, рассказывая о кавказском походе Помпея, он не упоминает о его столкновении с аланами (Dio Cass. 37. 1–2), но в другом своем сообщении – об аланском походе в Закавказье около 136 г. н.э. – он пишет о том, что аланы являются массагетами (Dio Cass. 69. 15).

Одним из источников данных представлений об аланах является труд Лукана (I в. н.э.). Именно он сообщает о разгроме Помпеем не только албан, но еще и алан (Lucan. 8. 133, 223; 10), правда, он не именует последних «массагетами». Упоминание алан в связи с кавказским походом Помпея является анахронизмом, так как, во-первых, имя алан становится известно лишь столетие спустя – во второй половине I в. н.э., и, во-вторых, другие источники (Аппиан, Плутарх, Дион Кассий), сообщая об этом рейде римлян, алан не упоминают вовсе (развернутый анализ источников по данной теме представлен в многочисленных работах (Манандян, 1939, с. 70–82; Lucullus, Pompey, 1992; Seager, 2002; Циркин, 2006)). Ввиду этого Е. Тойблер и В.Н. Гамрекели рассматривали упоминание Луканом в связи с этими событиями алан, как следствие смешения имен «албан» и «алан» (Taübler, 1909, S. 14; Гамрекели, 1961, с. 63). Нельзя с этим не согласиться (ср., однако, точку зрения Ю.С. Гаглойти (Гаглойти, 1966, с. 81 сл.)).

Трудно судить о причинах возникновения в ряде классических источников представления об аланах как о «массагетах». Нельзя исключать того, что именование Аммианом Марцеллином (и Дионом Кассием) алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) может отражать его (или, точнее, его источни-

ка) представление о Средней Азии как о прародине алан, а именно в этом регионе Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) фиксирует массагетов (Μασσαγέται; Strabo 11. 6. 2; 8. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 15. 1. 6; 17. 3. 9). Впрочем, возможны и другие объяснения данного именованья.

Кстати, отмеченное выше упоминание Аммианом Марцеллином «европейских алан» связано с использованием им неизвестного современной науке географического труда, относящегося к концу I–II вв. О такой датировке свидетельствуют следующие два обстоятельства. Во-первых, среди северо-причерноморских народов, упомянутых в соответствующем экскурсе Аммиана Марцеллина, отсутствуют готы, а они, как известно, мигрируют в Северное Причерноморье, начиная с последних десятилетий II в. (Буданова, 1999, с. 97–98). И, во-вторых, первая надежная фиксация алан в Европе относится ко второй половине I в., причем эти аланы локализируются на Дону и в Приазовье. Последний по времени и наиболее обстоятельный анализ этих сведений представлен в одной из работ А.С. Балахванцева (Балахванцев, 2009, с. 9–13).

Таким образом, если в одном случае Аммиан Марцеллин приводит очень архаичные для своего времени данные о народах Северного Причерноморья, то во втором – руководствуется уже материалами более близкого ему по времени источника об аланах.

В связи с рассматриваемой в настоящей работе проблемой можно отметить, что во второй половине III–IV вв. в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье наблюдается постепенное вытеснение позднесарматской культуры обрядом подкуранных катакомб. До недавнего времени этот обряд рассматривался в качестве одного из вариантов позднесарматской культуры, однако В.Ю. Малашевым была аргументирована неправомерность данной точки зрения (Малашев, 2009, с. 50).

В.Ю. Малашев связывает обряд подкуранных катакомб Нижнего Подонья с «центральнокавказской культурной традицией (аланской/раннеаланской культурой)» (Малашев, 2009, с. 50). Несколько раньше эта точка зрения была высказана С.И. Безугловым и В.П. Копыловым (Безуглов, Копылов, 1989).

Как мне представляется, указанные факты позволяют выделять соответствующие памятники в особую археологическую культуру – культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв.

В этой связи необходимо напомнить, что не позднее середины II в. н.э. у одной из

групп населения равнинно-предгорной зоны центральной части Северного Кавказа складывается обряд захоронений в катакомбах, в том числе и подкурганых. В первой половине – середине III в. крупные группы этого населения мигрируют в сопредельные области Затеречья, а также в низовья Сулака и в степную часть современного Ставропольского края. В этот же период носители данного обряда в значительном числе оседают и в более отдаленных регионах: в Нижнем Подонье, в Днепровском Левобережье, в Буджакской степи (близ дунайской дельты) и в сопредельной с ней части современной Республики Молдавия. Подробный анализ соответствующих археологических источников представлен в работах М.П. Абрамовой (Абрамова, 2001, с. 18–23; 2007, с. 52–76), а также в монографии Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева (Габуев, Малашев, 2009).

Одни из первых обстоятельных работ по данной проблеме принадлежат Л.Г. Нечаевой. Ею было предложено, в частности, идентифицировать сарматские погребения в подбоях с гуннами, а катакомбы Северного Кавказа – с аланами (Нечаева, 1956; 1961), причем аланы, по ее предположению, являлись выходцами из Средней Азии (Нечаева, 1956, с. 14).

Полемизируя с Л.Г. Нечаевой, М.П. Абрамова отмечала, что «аланы, упоминаемые античными авторами, и северокавказские аланы – это далеко не идентичные понятия. Первые – это кочевые сарматские племена, с которыми римляне непосредственно сталкивались на границах своей империи на Дунае и в Закавказье во время многочисленных военных походов. Аланы Северного Кавказа – это оседлое население, обитавшее с середины I тыс. н.э. в центральных районах Северного Кавказа, где они локализируются многочисленными письменными источниками (византийскими, сирийскими и др.). Эти аланы, как и сарматские кочевники, были ираноязычны, однако по своему этническому составу они значительно отличались от кочевых аланских племен, поскольку включали в свой состав многочисленные группировки местного населения Центрального Предкавказья» (Абрамова, 2007, с. 59).

Как отмечала М.П. Абрамова, «если тезис Л.Г. Нечаевой о том, что подбойный обряд был принесен в Восточную Европу гуннами, не нашел поддержки у археологов, то точка зрения об аланской принадлежности подкурганых катакомб Северного Кавказа

первых веков нашей эры была безоговорочно принята всеми» (Абрамова, 2007, с. 59).

Следует особо подчеркнуть, что под собственно аланами М.П. Абрамова в своих работах понимала исключительно носителей позднесарматской культуры. Она именует этих алан также «сарматами» или «сарматскими кочевниками». Что же касается носителей обряда подкурганых катакомб, то они у нее всегда, так же как и в цитированных выше текстах, именуются «северокавказскими аланами», причем ею под данным сочетанием понимается оседлое население – в отличие от собственно алан, являвшихся кочевниками (см. выше).

В период с III в. до н.э. и до начала III в. н.э. катакомбный обряд погребения функционировал у ряда этнических групп Центрального Предкавказья, причем эти захоронения принадлежали элитным группам населения (Абрамова, 2007, с. 31). При этом суммарно таких погребений еще десятилетие назад было известно немного. Но именно с ними М.П. Абрамова и связывала происхождение подкурганых катакомб несколько более позднего времени, III–IV вв., причем обряд подкурганых катакомб, по ее мнению, развился в Предкавказье самостоятельно (Абрамова, 2007, с. 70–74).

Другая точка зрения принадлежит Т.А. Габуеву. По его мнению, эта группа памятников связана с мигрантами из Средней Азии. Что же касается предкавказских катакомб предшествующего периода, то они по ряду существенных признаков отличаются от катакомб III–IV вв. и поэтому не могут быть генетически с ними связаны (Габуев, 1997, с. 76, 77–78). Т.А. Габуев соглашается с М.П. Абрамовой в том, что ранние катакомбы Центрального Предкавказья (III в. до н.э. – начало III в. н.э.) никак не связаны с миграцией «сармат», а зарождаются там вполне самостоятельно (Габуев, 1997, с. 76). Что же касается подкурганых катакомб III–IV вв., то они, по мнению Т.А. Габуева, являются для данного региона новшеством (Габуев, 1997, с. 77–78). Их происхождение связывается им со среднеазиатскими аланами. Впрочем, этот свой тезис Т.А. Габуев считает гипотезой, требующей детального изучения (Габуев, 1997, с. 79).

В.Ю. Малашев полагает возможным, что носители обряда катакомбных погребений первых веков н.э. центральной части Северного Кавказа могли называться «аланами». В этом В.Ю. Малашев опирается на точку зрения С.И. Безуглова о том, что из данных

Аммиана Марцеллина следует, что аланитанаиты в плане культуры отличались от европейских алан (Габуев, Малашев, 2009, с. 152) (подобный же взгляд отражен в коллективной монографии В.Ю. Малашева, М.С. Гаджиева и Л.С. Ильюкова: 2015, с. 115–162). Однако, как было показано выше, у Аммиана Марцеллина нет ни намёка на это и, следовательно, нет никакой возможности связывать носителей данного обряда с аланами.

Этот обряд может быть отождествлен только с гуннами. Для аргументации данного тезиса необходимо, прежде всего, обратиться к данным древнеармянского автора Фавстоса Бузанда (V в.). По его сообщению, среди народов, принявших участие в нападении маскутского царя Санесана на Армению в 30-х годах IV в., были как аланы, так и гунны (История Армении, 1953, гл. 3. 7). Гунны и аланы упоминаются Фавстосом Бузандом также и в связи с событиями 60-х годов IV в., когда они привлекаются армянским царем Аршаком II (350–368) к отражению набегов персов на Армению (История Армении, 1953, гл. 4. 25).

Оба эти факта показывают, что в IV в. к северу от Дербентского прохода обитали и аланы, и гунны, а поскольку первые из них были связаны с позднесарматской культурой (см. выше), то в случае с идентификацией подкурганых катакомб с некими *другими* аланами для гуннов просто не найдется места на археологической карте Предкавказья, следовательно, с указанными памятниками могут быть идентифицированы только гунны.

Кроме того, поскольку известно, что в посталанский период именно гуннам и принадлежало военное доминирование в южной части Восточной Европы, то с ними и следует связывать указанные памятники, так как в противном случае для гуннов опять-таки просто не находится места на археологической карте данного региона.

До масштабных раскопок на могильнике Брут 2 и Зилгинском городище генезис катакомбного обряда на Северном Кавказе и его возможных истоков оставался не до конца ясным. Исследователям приходилось довольствоваться материалами очень многочисленных, но всё же сравнительно поздних памятников III–IV вв. Из этих источников вырисовывалась картина очень крупных миграций в Терско-Сунженское междуречье, в Нижнее Подонье, Днепровское Левобережье и Дунайско-Днепровское междуречье, о чем уже говорилось выше, причем масштабы миграций в Терско-Сунженском между-

речье более чем впечатляющие – бесконечные курганные поля с тысячами погребений. Эти поля сопровождают остатки синхронных городищ и поселений. Миграции данного населения в Нижнее Подонье и Днепровское Левобережье были менее масштабными, но всё же достаточно впечатляющими. Так, в Нижнем Подонье выявлены уже сотни таких захоронений (Безуглов, 2008, с. 286).

Материалы могильника Брут 2 (Пригородный район Республики Северная Осетия – Алания) подтверждают отстаивавшееся М.П. Абрамовой представление о местных истоках катакомбных погребений Терско-Сунженского междуречья III–IV вв.

Напомню, что близ Брутского городища исследованы три связанных с ним могильника: курганный могильник Брут 1 (первая половина – середина V в.), грунтовой могильник V в. и могильник Брут 2 (вторая половина II в. – начало VII в., см.: Габуев, Малашев, 2007, с. 460–461; 2009, с. 9–10).

Могильник Брут 2 занимает площадь 4 кв. км. На нем представлены как грунтовые, так и подкурганые катакомбы, причем они располагаются там вперемешку. Вскрытые захоронения относятся к трем хронологически периодам: 1) вторая половина II – середина III в.; 2) конец IV – первая половина V в.; 3) конец VI – начало (первая треть?) VII в. (Габуев, Малашев, 2007, с. 460–461; 2009, с. 10, 143). Всего вскрыто 19 подкурганых катакомб, 27 безкурганых катакомб и 2 ямы без покойников. Большинство вскрытых захоронений относится к первому из указанных периодов.

Наличие хронологического разрыва между памятниками первого и второго периодов позволяют Т.А. Габуеву придерживаться своей прежней точки зрения о том, что подкурганые катакомбы центральной части Северного Кавказа III–V вв. могут быть связаны с миграцией среднеазиатского населения. Впрочем, основной его аргумент в данном случае состоит в расхождении между различными деталями погребальных конструкций на могильнике Брут 2 первого и второго из указанных периодов (Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 69–114, 164).

С этим не согласен В.Ю. Малашев, который разделяет точку зрения М.П. Абрамовой о самостоятельном развитии в данном регионе традиции катакомбных погребений (Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 115–162, 164).

Проведенный В.Ю. Малашевым анализ материалов могильника Брут 2, а также и

синхронных ему городищ центральной части Северного Кавказа, показал, что население связанных с ними памятников переживало демографический взрыв, а также процесс стремительного экономического и социаль-

но-политического подъема. Со временем это вылилось во внешнюю экспансию, о которой говорилось выше (Габуев, Малашев, 2009, с. 158–162).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Некоторые особенности культуры алан в первые века нашей эры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. А.З. Винников, Т.И. Макарова, М.В. Макарова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 18–23.
- Абрамова М.П.* Монография «Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры» // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М.П. Абрамовой / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН: Таус, 2007 (МИА России. № 8 / ИА РАН, отд. скифо-сарматской археологии; отв. ред. серии Р.М. Мунчаев). С. 52–76.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни; Вступ. ст. Л.Ю. Лукомского / Изд. 3-е. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
- Балахванцев А.С.* Сарматы I–IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит.-ра., 2009. С. 9–13.
- Безуглов С.И., Копылов В.П.* Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
- Безуглов С.И.* Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990.
- Безуглов С.И.* Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V н.э.) / Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Безуглов С.И.* Курганные катакомбные погребения позднеархейской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сб. памяти В.А. Башилова / МИА России. 2008. № 10. С. 284–301.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. Изд-е 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. СПб.: Алетейя, 1999 (Сер. «Византийская библиотека», раздел «Исследования»). 320 с.
- Габуев Т.А.* Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3. С. 71–81.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М.П. Абрамовой / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН: Таус, 2007 (МИА России. № 8 / ИА РАН, отд. скифо-сарматской археологии; отв. ред. серии Р.М. Мунчаев). С. 458–471.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (МИА России. № 11 / ИА РАН, Гос. музей искусства народов Востока). Отв. ред. серии Р.М. Мунчаев; Отв. ред. тома Д.В. Деопик. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.
- Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256 с.
- Гамрекели В.Н.* Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. 153 с., 7 л. ил.
- Гудкова А.В., Редина Е.Ф.* Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць. Вип. VII. Запоріжжя, 1999. С. 177–193.
- История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгияна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. ст. Л.С. Хачикяна. Ереван: АН Армянской ССР, 1953. 236 [2] с. (Серия «Памятники древнеармянской литературы»).

- Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1899. Кн. 13. Отдел II. С. 94–168.
- Манандян Я. А.* Круговой путь Помпея в Закавказье // ВДИ. 1939. № 4. С. 70–82.
- Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.
- Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С.* Страна маскутов в Западном Прикаспии. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.: ил.
- Мошкова М.Г.* Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 153–214.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра., 2009. 176 с.
- Нечаева Л.Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. 16 с.
- Нечаева Л.Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 151–159.
- Симоненко А.В.* Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.
- Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / Под ред. М.Г. Мошковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 150 с., ил., 2 отд. л. схем.
- Скрипкин А.С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169.
- Циркин Ю. Б.* Помпей Великий и его сын // Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.: СПбГУ, 2006 (Серия «История и культура»). С. 138–208.
- Шелов Д.Б.* Некоторые вопросы этнической истории Приазовья в II–III н.э. по данным Танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–93.
- Lucullus, Pompey and the East // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Volume IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Seager R.* Pompey the Great: a political biography. 2nd ed. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2002. 288 p.
- Täubler R.* Zur Geschichte der Alanen // Klio. Bd. IX. H. I. Leipzig, 1909. S. 14–28.

Информация об авторе:

Семенов Игорь Годович, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала, Россия); i_semyonov61@mail.ru

About Author:

Semenov Igor G., doctor of historical Sciences, Institute of history, archaeology and Ethnography of the Daghestan scientific center, RAS (Makhachkala, Russia); i_semyonov61@mail.ru